

DANIEL OLBRYCHSKI

WSPOMINKI

o WŁODZIMIERZU

WYSOCKIM

От автора:

Почему актер берет в руки перо? Может быть, ему уже нечего играть? Да нет, у меня еще найдется пара ролей для работы. Может быть, он хочет оставить после себя какой-то след — яркий, личный, не сотканный из чужих текстов? Тоже нет. Я пошел бы скорее против течения собственной жизни. И может быть, когда-нибудь возьмусь за это, но, пожалуй, еще не завтра, наверняка не завтра. Почему же я написал эту книжечку? Ибо во множестве интервью — для газет, радио, телевидения — я часто говорил о Владими́ре Высоцко́м. Из откликов слушателей и читателей я понял, что не должен задерживать для себя одного то, что знаю о нем, что с ним пережил. Ты принадлежал всем, Володя, и они, я верю в это, хотели бы прочитать и такую книгу о Тебе.

По моей просьбе в зале выключили свет. В этой темноте один-единственный прожектор осветил: одинокий микрофон. И раздались знаменитая «Охота на волков». Перед этим я коротко рассказал, о чем эта песня: обвала, поля окружены флажками, известно — под красной тряпичей волк не пройдет. Идет охота. Стая врассыпну. Идет охота, падают волки. Только одному удается уйти живым, но известно, что он вернется, ибо там, в снегу, остались его братья.

Даниэль
ОЛЬБРИХСКИЙ

Поминная Владимира Высоцкого

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

хотел представить друга моему французскому коллеге, поделился Высоцким. Со многими я так делился, всегда слишком эмоционально, слишком щедро. Чаще всего это происходило с помощью записей Володи. Я пытался по ходу переводить и — что за кретинизм — даже подпевать ему. И всегда, все равно кто — поляки, французы или американцы, — просили меня перестать. Ибо все было ясно. С Азнавуром было точно так же. Я включил ему «Две гитары» — Шарль ввел позже во Франции в моду этот цыганский шлягер.

Здесь я должен похвастаться, что есть и моя доля в окончательном звучании этой песни. Володя пел ее на каком-то приеме, когда я уже так раздухарился, что после очередного «эх, раз!» опрокинул залпом целый стакан водки. «Да что ты!» — ввернул, увидев это, Высоцкий, в ритме песни, но нормальным своим голосом. Оказалось, что эту реплику он включил навсегда в текст песни, считая, что это звучит очень по-цыгански.

Я внимательно наблюдал за Азнавуром, слушающим «Две гитары». Этот очень говорливый мужчина, которого невозможно было прервать, молчал целых пять минут — столько длится произведение Высоцкого. Потом он встал, попросил ключик от мини-бара, налил себе стопку водки. Выпил и по-прежнему молчал! Вышел. Я проводил его до самого номера. Прощаясь, он сказал, выдвигая характерным образом нижнюю челюсть: «Он не поет, он выbleвывает. Лучше, чем я».

Я долго ждал связи с Варшавой. Во втором часу ночи трубку взяла Зузя. Володя уже спал. Я попросил ее передать ему слова Азнавура.

ФЕСТИВАЛЬ в большом зале «Оливии» организовала гданьская «Солидарность». Съехались барды со всей Польши. Среди них: Яцек Качмарский, Анджей Гарчарек, Мацей Зембатый и многие другие. Мне поручили вести это мероприятие, а также объявить результаты конкурса. Больше всего мне понравились песни Яцека Качмарского, но победила другая — не лучшего вкуса, обращенная к самым примитивным политическим инстинктам. Я вышел и сказал:

— Господи! Вердикт уже вынесен, но я не могу под конец этого фестиваля не поделиться с вами моими размышлениями. Несомненно, что эти великопленные — во всяком случае, некоторые — поэты, барды, поющие под гитару свои стихи, вполне оригинальны. Но их литературная и эмоциональная родословная ведется от знаменитых русских певцов и поэтов. Прежде всего от Булата Окуджавы, а в последнее время от все более известного в Польше Владимира Высоцкого. К сожалению, он уже год как умер. Я думаю, что если бы он жил и если бы получил визу в Польшу, в чем я слишком уверен, то его выступление увенчало бы этот фестиваль. Он умер, проблемы с визой больше нет. Так дадим ему духовную визу! Я хотел бы закончить нашу встречу песней в его исполнении.

Я не был уверен в реакции зала. Пять тысяч людей — это толпа, и совсем нелегко ее направить. Даже самый популярный конференс может столкнуться с трудностями, ибо это действительно искусство — владеть столь разболтанной публикой, а тем более предложить что-то-либо против ее воли. И все же наступила тишина. Володя пел, а я смотрел, как все медленно, медленно истает с мест. Вот так Владимир Высоцкий принял участие в нашем празднике.

В ТО ВРЕМЯ, когда перестройка еще никому не снилась, а те, кому снилась, сидели в тюрьмах, итальянский режиссер Мауро Боломбини предложил мне роль в фильме об Иде Нудель, русской диссидентке еврейского происхождения. Ее играла Лива Ульман. А я был ее кинемужем-поэтом. В одном из интервью, которое я тогда давал, я сказал: «Мы делаем этот фильм как бы в порядке замещения, ибо куда лучше бы его сделали и сами русские. Им принадлежит право на эту тему. И обязанность ее реализовать. К сожалению, в нынешней ситуации это наше замещение необходимо. Искусство не может молчать об этом. Пока русские не могут говорить о себе собственным голосом, но когда-нибудь это, наверное, изменится». Одним словом, я как будто предчувствовал то, что произошло позже.

Я не представлял себе, что в фильме, который должен воссоздать интеллектуальную и эмоциональную атмосферу диссидентских кругов в России, могло не оказаться одного из духовных столпов этого общества. Знание песен Высоцкого казалось мне абсолютно необходимым. Я предложил это режиссеру, а он придумал сцену, в которой я прошу Ливу, мою жену, послушать, что о людях в нашем положении поет Высоцкий. Кстати, его имя в этой сцене не называлось.

Мы начали репетировать, я включил магнитофон. Лива не прореагировала и каким-то образом испортила запись. Она вообще этим не интересовалась! В противоположность всей группе, которая тесно сгруппировалась у магнитофона, привлеченная голосом и экспрессией. В перерыве я был вынужден долго объяснять, о чем поет Высоцкий — это было «Эх» — и что он вообще такой. Смотрите, как это действует! Еще раз натянутая струна. Международная группа, порусски ни в зуб, а все-таки что-то их привлекало, притяну-

ло к микрофону. Именно что-то. То что-то, которого ни они, ни, пожалуй, я сам до конца не понимаю. В перерыве между съемками Лива что-то внимательно слушала по плееру. Я спросил:

— Что ты так слушаешь?
— Она сняла наушники и возмущенно ответила:
— Рахманинова.

Она явно хотела наполниться русской культурой, чтобы с таким пафосом из девятнадцатого столетия войти в роль, воплотиться в свою героиню, но выбрала не тот источник, просто перепутала краны.

Лива в своей уборной слушала Рахманинова, попивая сок, а я с группой, выпивая граппу, слушал Высоцкого. Я включал им другие записи, переводил тексты. Они были очень взволнованы. Лива этого просто не почувствовала.

Не скрою, я был на нее очень зол. Прошло несколько дней, и я вижу, что Лива читает какое-то интервью в израильской газете. Именно с Идой Нудель! Возбужденная, она обратилась ко мне:

— Даниэль, ты знаешь такого поэта... Владимир Висотский!

— Да, — говорю, — а что?
— А то, что моя героиня утверждает, что это ее любимый поэт, что благодаря его песням они выдержали эти годы жизни в неволе. Я должна с ним познакомиться.

— Лива, — говорю я, — как раз три дня назад ты слышала его голос на пленке. И даже не спросила меня, ни кто это такой, ни о чем поет.

— А «Охоту на волков» знаешь?

— Знаю. Когда ты слушала своего Рахманинова, мы как раз слушали эту песню.

Я произнес это столь холодно и язвительно, что Лива восприняла мои слова как упрек. Она очень умна и впечатлительна, но Высоцкий прошел мимо нее. А ведь работа актера состоит не в создании фикции, а в воспроизведении правды. Она совершила профессиональную ошибку. Влияние поэзии Высоцкого на жизнь реальной Иды Нудель было столь велико, что, не зная об этом, нельзя было познать правду этой женщины.

Пусть Лива простит мне этот рассказ. Он ни в чем не

может принизить ее талант. Это только шутивая критика ее претензии быть специалисткой по России. Просто она спутала Россию с отелом «Россия».

НАС связывала также страсть к лошадям и автомобилям. Свою первую машину (подержанный «мерседес») Володя купил поздно, а еще позднее научился его водить. Когда же он овладел этим искусством, он ездил быстро и уверенно. Даже ребенок не радуется так электрической железной дороге, как он радовался автомашине. Ничего удивительного, что этой своей страсти он посвятил несколько песен. Одну из первых он написал, наверно, после того, как я провез его в машине по заснеженной Москве. Я щеголял разного рода трюками и шутками. Машина была в порядке, учил меня Собеслав Засада (знаменитый польский автогонщик). — Прим. пер. М. Ч.). и потому ничего ни с кем не случилось, но когда я остановился, Володя вышел, поцеловал землю и сказал: «А сейчас я тебе спую насчет этого». И спел «Горизонт».

Володя любил эту песню и часто пел ее в моем присутствии. Он написал ее, еще не имея водительских прав.

Верхом мы никогда вместе не ездили — не было времени. Он видел мою верховую езду на экране, а о его любви к лошадям мог судить по песням, и этого было достаточно, мы понимали друг друга.

Я ОЧЕНЬ любил песню «Кони привередливые», и Володя знал об этом. Он часто пел ее при мне.

Знатки творчества Высоцкого, поклонники и коллекционеры делают его баллады на разные жанры: трагические и сатирические, комические и лирические, такие и сякие. Мне кажется, все эти деления не имеют смысла, а уж особенно выделение так называемых политических произведений. В сущности все песни Володи в каком-то смысле имеют характер политический, ибо в стране, лишённой свободы слова, каждая метафора, каждое сравнение и шутка — как в старом анекдоте — «ассоциируются» с политикой.

Не нужно было знать Высоцкого лично, чтобы знать, что он думает о мире, в котором мы жили. Достаточно было вслушаться в его песни. Никогда я не разговаривал с Володей о политике. Так уж происходит, что люди с одинаковыми взглядами о них не дискутируют.

Такие разговоры и не возбуждают, и не обогащают. Лишь сталкиваясь с тем, что мыслит иначе, мы вынуждены размышлять, искать все новые аргументы, принимать усилия в полемике. Вот это я люблю, я могу целую ночь так сориться, и это раздражает моих близких, особенно женщин. Я воспаляюсь, как артист на сцене.

Я сам себе находил противников — гебистами начиная, некоторыми членами моей обширной семьи кончая. Некоторые меня даже обогатили, с другими я попусту тратил время. Во всяком случае эти тренировки мнегодились, особенно во время нескольких допросов и чиновничье-шантажистских давлений.

Я никогда не видел Володю в таких ситуациях. Мы всегда встречались в кругу ближайших друзей. Но его необыкновенную аспальчивость я прекрасно понимал. Всем, что ему дал Господь Бог, он стрелял в одного врага — Зло и Глупость. Как все великие артисты. За это их — раньше или позже — любят миллионы. Все. Или почти все. Только где же оставались те, что мучают этих всех! Их должно быть немало. Ибо ведь, говоря серьезно, Гитлер с Геббельсом или Сталин с Берией физически не смогли бы уничтожить людей хотя бы одного лагеря. Кто-то же там, на Западе и Востоке, должен был помогать им в их миллионных преступлениях! На одного или двоих Володя бы так, до хрипоты, не кричал.

После Володи у меня остались лишь воспоминания, и этого никто у меня не отнимет в отличие от кассет. Больше всего я жалею об одной — подарке с московских поминок — с записью единственного, кажется, телевизионного выступления Володи, записанного примерно за полгода до его смерти. Первый раз позволил ему, а точнее его песням, войти в телевизионную студию. Это было бы невозможно без давления его друзей. Они знали, что он болен, чувствовал, что он может неожиданно уйти. Осознали, что следует потропиться и немедленно, сейчас зарегистрировать все, что только удастся. Это было вовсе не так легко. Получить разрешение на телевизионную запись песен Высоцкого в его собственном, авторском исполнении в той эпохе граничило с ярким политическим успехом.

Друзья Володи прибегли к следующему фортелю: убедили, кого следует, что в передаче, посвященной кинематографии, Высоцкий расскажет о песнях, которые написал к разным фильмам. То есть предвзято произведе-ния, которые уже пробилась сквозь цензуру, существовали в официальном обороте.

В студии он был один, говорил не только об отдельных произведениях, но и том, как и почему пишет, каким образом выбирает темы, мотивы. Чувствовалось, что ему это было безумно важно, видно было, как он старается, чтобы программа снимала благосклонность чиновников. Однако время от времени что-то в этом прощальничало, и тогда из режиссерской кабинки раздавалось категорическое «стоп!». В окончательной версии видны отчетливые следы вырезок. Я знаю, что его инструктировали во время записи, подсказывали, что можно, а что нет. Володя спокойно принимал все замечания, ибо знал, где живет. Слушал этих людей и только смотрел вверх, исподлобья, меняя, сменяя, подвергая цензуре себя самого.

Кассету с телевизионной программой Володи в первый раз я смотрел во время памятных поминок в Москве. Я был потрясен тем, что такое вообще существует, что государственное телевидение согласилось зарегистрировать выступление Высоцкого. Та самая предсудительность, которая велела чиновникам дать разрешение на запись программы, не позволила им выразить согласие на ее выпуск в эфир. Лишь при Горбачеве телевидение показало это выступление. Вскоре после этого фрагменты этой записи смогли посмотреть и мы.

Я получил эту кассету от сына Володи. Он провозжал меня вместе с Мариной в аэропорт и, когда мы прощались, незаметно сунул ее мне за пазуху. Провожал меня также — а как же! — некий господин. Только его присутствию я обязан тем, что меня не обыскали и не отобрали этот «подрытый материал». Должен признать, что, впусти меня тогда на одну-единственную ночь, мне оказали большую любезность. Ибо это было после 31 августа. Мы помним, какие настроения господствовали тогда у соседей, что писала советская пресса, агентство ТАСС и прочие «Руде правое».

Привезя кассету из Москвы кассету я использовал во время поминок по Володе 1 ноября в варшавской Старой Прохове. В тот вечер Яцек Качмарский пел свою

феноменальную «Эпитафию для Владимира Высоцкого», Млынарский представил свои первые переводы песен Володи, Марек Перепечко прекрасно спел «Прижок вверх».

Сценография была очень скромной: одинокая гитара и фото Володи, вывешенные из темноты лучом света. Володя в начале каждого концерта исполнял песню о горном эхо, и потому мы тоже начали поминки этим произведением в его собственном исполнении.

После «Эха» я взял микрофон в руку и, переодетый в свой старый гамлетовский костюм, стал лихорадочно произносить последний монолог:

**Я умираю;
Могучий яд затмил мой дух; из Англии
Вестей мне не узнать. Но предрекаю:
Избрание падет на Фортинбраса;
Мой голос умирающий — ему;
Так ты ему скажи и всех событий
Открой причину. Дальше — тишина.**

(Перевод М. Лозинского).

МЫ С ВОЛОДЕЙ были коллегами по «Гамлету». Я играл принца датского в Национальном театре четыре года. Он на Таганке много больше.

Я увидел его в этой роли лишь в Варшаве в 1980 году. Он прилетел прямо из Парижа, уже в очень плохом состоянии. До конца не было известно, приедет ли он вообще. Собирались даже отменить «Гамлета», а «Добрый человек из Сезуана» должен был идти с его дублером. Но я упрямил Марину погрузить Володю в самолет, чтобы он все-таки приехал.

Приехал и сыграл. Мы могли наконец увидеть его в самой знаменитой роли. Это был уже очень уставший человек, но играл он феноменально без единого лишнего жеста, гримасы. Он был абсолютно сосредоточен на смысле шекспировского шедевра и на том, что он самовольно вносил в этот спектакль. К сожалению, он был не в состоянии продемонстрировать все свои актерские возможности и возможности, которые позволял проявить эта роль. Он заметно экономил силы, чтобы выдержать до конца. Высоцкий, блистательный актер, использовал это с максимальной точностью и чистотой. Это была борьба и одновременно бег наперегонки с собственной жизнью. Чтобы успеть. Как в его знаменитой песне:

**Я коней напую,
Я куплет допую.
Хоть чуть-чуть постою
На краю...**

Он из последних сил хватался за этот край, зубами. Это производило очень волнующее впечатление. Особенно для меня, зрителя, это потрясающее переживание. Вместе с ним из всех сил я участвовал в этом

напряжении и потому не помню подробностей его игры. Особое внимание я обратил лишь на то, как Володя говорил самый знаменитый и, как говорят, самый важный монолог «Быть или не быть», который в действительности стал таковым лишь в XIX веке. Могу указать в «Гамлете» несколько других фрагментов, более существенных и важных, чем проблема «быть или не быть», между тем именно она сделала карьеру. В своем исполнении Володя сознательно преуменьшал эту проблему, словно удивлялся Шекспиру, который по-

жертвовал этому столько места. Более того, в какое-то мгновение он начал буквально издеваться над этим монологом и его автором. Как будто заявил: о чем тут речь! что здесь так рассусоливать! убить себя или нет! С яростью, равной яростности его песен, он начал рубить текст, словно давая понять: если быть, то действовать, если, не быть, то лучше как можно скорее. Это говорил мужчина зрелый, мятежный, сознательный, что делает, эмоционально и интеллектуально много старше шекспировского Гамлета. Гамлет Высоцкого пережил после Шекспира еще несколько адских столетий на этой земле.

«Изыграть» Гамлета до конца невозможно. Несколько сот раз я надевал его костюм и на каждом спек-

такле чувствовал, будто обнимаю ствол огромного дерева. У меня слишком короткие руки, и я не могу коснуться того, что по другую сторону дерева. И это более всего меня привлекало. И другая сторона открывалась мне каждый раз иначе в очередных спектаклях. Но то, что показал Высоцкий, было для меня, пожалуй, самым интересным, вероятно, потому, что он был там в чем-то похож на меня, но старше, опытнее. Глядя на его Гамлета, я чувствовал, что старею вместе с Высоцким.

Письмо Марины Даниэлю

Дорогой Даниэль, мой брат.
Как мне грустно сегодня. Володе исполнилось бы как раз 52 года. Он был бы в расцвете лет. Он был бы готов обзавестись лошадью. Готов издеваться над высокочками. Биться за правду.

Как не хватает его нам!
Как не хватает его мне...
Он столько сделал, чтобы сокрушить этот слишком известный железный занавес, а сейчас не может увидеть его обломки.

Он первый говорил о Варшаве — городе агонизирующем, задыхающемся от коммунизма, а сегодня не может по ней прогуляться, радуясь ее демократическому возрождению.

Не кажется ли тебе, что некоторые люди, для которых путешествия в Восточную Европу стали «святой обязанностью», были бы описаны в одной из самых ехидных песен Высоцкого!

Так попробуем, дорогой Даниэль, улыбнуться. Он не хотел бы смотреть на наши грустные мины. Ему причитается это от нас.

У него был не только необыкновенный талант. Он любил жизнь, у него было чувство юмора...

Спасибо тебе за то, что ты делал все, чтобы об этом знали. Целую тебя, Марина Влади.

Перевел с польского
Мирон ЧЕРНЕНКО.

- Два Гамлета — Д. Ольбрыхский и В. Высоцкий. Фото Леопольда Данковского.
- «На меня направили сулхих кощи...» Фото Валерия Плотникова.

